

В разделе говорится о прогрессе в развитии производительных сил Чукотки, о сближении и взаимообогащении культур народностей, населяющих полуостров. Авторы отметили изменения в питании, в характере поселении и жилищ.

Однако в этом разделе, как и в предыдущем, очень бегло освещен процесс перестройки быта оленеводов. Между тем он отличается многими особенностями, так, например, на лето оленеводы-пастухи уходят кочевать со стадами оленей к морю или в гольцы, используя механический транспорт, а работники яранг поселяются у тех мест, где рыбачат, там ремонтируют инвентарь и обрабатывают шкуру. Сохраняются многие выработанные в прошлом способы ведения промыслового хозяйства, традиционные трудовые приемы и навыки.

Книга дает связанное представление о ходе исторического процесса на крайнем Северо-Востоке Сибири.

Хотя работа посвящена весьма отдаленному и сравнительно малонаселенному региону нашей страны, авторы избежали краеведческого уклона. История Чукотки дана на фоне событий, происходивших в Советском Союзе. Удачно показано воздействие на развитие национального округа большого промышленного строительства, развернувшегося в Магаданской области.

Значительное внимание уделено в книге коренному населению, особенностям его традиционного хозяйства, культуры и быта. Этим она выгодно отличается от многих обобщающих исторических работ, посвященных отдельным регионам.

Книга хорошо иллюстрирована, снабжена обширной библиографией, списком основных дат по истории Чукотки, ценным именовым указателем. Аннотация работы и оглавление переведены на английский язык.

Отмечая несомненные достоинства исследования, укажем на имеющиеся недостатки. Если в первых разделах книги этнический состав, этнические и миграционные процессы привлекли внимание авторов, то в последних эти важные темы не рассмотрены.

Отсутствуют сведения о численности отдельных народностей, ничего не сказано о широком распространении в последние десятилетия среди коренного населения двуязычия, смешанных в национальном отношении браков.

Имеются и мелкие недочеты. Отсутствует список иллюстраций, неясно, откуда заимствованы карты расселения. В ряде мест перепутаны подписи под рисунками (стр. 328), странно звучат некоторые подзаголовки — «Насажение местной власти» (стр. 137), «Курс на буфер» (стр. 156). Едва ли современную одежду городского типа следует именовать «европейской» (стр. 349).

Однако в целом книга заслуживает высокой оценки. Ее выход в свет — знаменательное событие в североведении.

И. С. Гурвич

А. Х. Магомедов. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974, 366 стр.

Некоторые проблемы общественного строя и быта народов Северного Кавказа затрагивались уже в дореволюционной и современной историко-этнографической литературе, но такие важные вопросы, как сельская и семейная община, формы родственных отношений, некоторые институты родового быта, сохранявшиеся в виде пережитков у народов Кавказа даже в начале XX в., до сих пор фактически не изучены.

Между тем, глубокое и всестороннее исследование общественных отношений, сохранивших свои архаические формы, позволяет значительно глубже изучить историю того или иного народа, разобраться в специфических особенностях его развития, проследить его этнокультурные, социально-экономические связи, а также определить его роль в создании общих для народов Северного Кавказа элементов духовной культуры.

В связи с этим нельзя не приветствовать выход в свет новой работы А. Х. Магомедова, известного уже рядом своих ценных исследований по истории и этнографии осетинского народа.

Рецензируемая монография имеет прочную источниковедческую базу. Она написана на основе разнообразных архивных и полевых материалов, собранных и тщательно проанализированных автором. Широко привлечены также литературные данные, критически осмысленные А. Х. Магомедовым.

В исследовании почти исчерпывающе использованы все наиболее ценные известия современников по истории и этнографии осетин, что позволило восполнить пробелы в архивных документальных материалах, касающиеся общественного быта осетин XVII—XVIII и первой половины XIX в. В результате комплексного подхода к синхронным источникам различного вида автор сумел дать яркую и убедительную картину общественной и семейной жизни осетин в эпоху, когда сохранялись еще наиболее архаические и самобытные черты в их общественном строе.

Большое достоинство книги заключается в том, что А. Х. Магометов привлекает для сравнительно-исторической интерпретации изучаемых им явлений осетинского быта этнографическую литературу по многим народам мира.

Специфика рассматриваемых в монографии проблем заставила автора выйти за пределы XVII—XIX вв. и обратиться к более отдаленному историческому прошлому осетинского народа, что дало возможность вскрыть генетические корни описываемых в монографии общественных и семейно-бытовых институтов и обычаев.

В этой связи нам хотелось бы подчеркнуть, что для исследования А. Х. Магометова характерен последовательный историзм в рассмотрении всех социальных учреждений осетинского народа. Эволюция социальных форм, как правило, прослеживается в монографии на протяжении длительных отрезков времени в органической связи с общесоциальным процессом. Социальные учреждения осетин систематически сопоставляются с соответствующими учреждениями других народов Кавказа.

Такой подход как это отмечает сам автор во «Введении», дает возможность «выявить общий характер многих общественных и семейно-бытовых традиций у осетин и у их соседей — других кавказских народов» (стр. 6).

В центре внимания А. Х. Магометова находятся дофеодалные и раннефеодалные отношения, игравшие основную роль в социальном и общественном быте осетин XVII—XIX вв.

Как известно, изучение ранних форм общественного строя народов Кавказа является одной из сложнейших задач. А. Х. Магометов сосредоточивает свое внимание на выяснении наименее изученных вопросов, таких как различные формы кровнородственных объединений, сельская и семейная община, обычное право.

В монографии по существу впервые после работ М. М. Ковалевского дается систематическое и всестороннее освещение кардинальных вопросов социального развития осетин накануне и в период присоединения Осетии к России. Даже читатель, не имеющий специальной научной подготовки, узнает из книги А. Х. Магометова много нового и интересного, много такого, на что исследователи раньше не обращали должного внимания. Поэтому ее познавательная ценность весьма значительна.

Вместе с тем автор решает ряд теоретических проблем, что делает его исследование интересным для ученых, занимающихся не только осетинами, но и другими народами Северного Кавказа.

В данной рецензии мы остановимся лишь на некоторых, наиболее важных вопросах, рассмотренных в монографии.

Говоря об архаических пережитках в общественном строе и быту осетин XVII—XIX вв., А. Х. Магометов особое внимание уделяет пережиткам матрилинейности и материнского права (стр. 93—130). Эта проблема давно уже не привлекает внимания современных осетиноведов, хотя осетинский этнографический материал может дать для ее освещения много ценного. Чтобы выявить корни сохранившихся у осетин пережитков матриархата, А. Х. Магометов анализирует сведения о таких пережитках в нартовском эпосе, а также у скифов, сарматов, алан.

А. Х. Магометов рассматривает также патриархальный род, игравший первостепенную роль в общественной жизни не только осетин XVII—XIX вв., но и других горских народов Северного Кавказа. В книге указывается, что у осетин уже к XVIII в. отцовский род в его классическом виде не существовал, сохранились лишь некоторые его пережиточные формы в виде родственных объединений — фамилий (*мыггаг*), братств (*рвад лт*), патронимии. Автор на основе фактического материала описывает социальную структуру этих родственных коллективов и показывает, что их кровнородственные связи, на которых основывались прежде эти объединения, постепенно ослабевают.

Большое принципиальное значение имеет мнение автора, что у осетин в XIX в. «во многих случаях фамилия („*мыггаг*“) объединяла группы людей, не связанные в прошлом кровным родством» (стр. 141). В связи с характеристикой трансформации родственных отношений у осетин А. Х. Магометов касается и такой в общем малоизученной на осетинском материале формы искусственного родства, как побратимство и поестримство (стр. 150—154).

Особый раздел монографии посвящен семейной общине. Здесь использован новый ценный материал из архивного фонда о бытовании в Осетии в конце XIX — начале XX в. семейных общин с братской структурой (стр. 162—170). Отмечая вслед за другими исследователями (З. Н. Ванев, М. О. Косвен, З. Д. Гаглоева) наличие общих черт у семейных общин народов Северного Кавказа, А. Х. Магометов вместе с тем показывает специфические особенности осетинской семейной общины, выражавшиеся в первую очередь в том, что она в значительной мере сохранила свои первобытно-демократические черты. Благодаря этому осетинская семейная община не превратилась в отцовскую и оставалась братской семьей. Это обстоятельство, по мнению автора, и обусловило сохранение и широкое распространение больших семей не только в горной, но и в равнинной Осетии в течение более продолжительного исторического периода по сравнению с другими народами Северного Кавказа.

Большое внимание в монографии А. Х. Магометова уделено сельской общине, которая еще слабо изучена как у осетин, так и у других народов Северного Кавказа. Поэтому обширная глава (стр. 193—246), посвященная этой теме, представляет особый интерес.

Излагая историю возникновения сельских общин в Осетии, автор на ряде конкретных примеров показывает, как на базе однофамильных поселений, где первоначально жили лишь родственники, возникают сельские общины, жители которых связаны главным образом территориальными узами. А. Х. Магометов считает, что переход от родовой к сельской общине в основном произошел в аланский период, т. е. до начала татаро-монгольского завоевания, что отнюдь не исключало длительного сохранения осколков родовых союзов в виде однофамильных осетинских поселений, которые источники фиксируют вплоть до капиталистической эпохи (стр. 196, 197).

В книге отмечается, что сельская община, возникшая в условиях распада родового строя, проявила большую жизнеспособность и устойчивость, сохранившись в Осетии до начала XX в. Раскрывая причины этой устойчивости, автор вместе с тем показывает изменения, которые произошли в сложной структуре ее организации в связи с социально-экономическим развитием Осетии на протяжении нескольких веков (в формах землевладения и землепользования, в управлении общиной). Рассматривается также изменение роли общинных традиций и обычного права горцев после введения в Осетии государственно-административного управления.

Характеру сельских общин отвечает и осетинский адатный суд, который был по существу посредническим и основывался на присяге и нормах обычного права, на общинной морали, где гражданский долг и честь играли решающую роль. В монографии подробно описываются обычаи, связанные с функциями и деятельностью общинных судей (принятие присяги, институт доказательств, установление судебной достоверности, судебный поединок). Автор справедливо указывает, что обычное право, которое в течение веков регулировало традиционное судопроизводство, в связи с развитием социального строя Осетии тоже эволюционировало и в рассматриваемую эпоху отражало уже классовые отношения.

В монографии рассматриваются также обычаи кровной мести и гостеприимства, имевшие у осетин, как и у других народов Северного Кавказа, большое распространение. Характеризуя кровную месть как институт родового строя, А. Х. Магометов подчеркивает пагубные последствия этого древнего обычая, в более позднее время приводившего к большим жертвам, подчас равным народным бедствиям.

Знакомство с разделами, посвященными суду, кровной мести и гостеприимству, даст читателю много новых и интересных сведений, покажет ему исторические корни этих обычаев.

Весьма содержателен и раздел, посвященный ранним формам религии и их пережиткам. А. Х. Магометов считает, что пережитки первобытных религиозных верований в наиболее яркой форме сохранились в магических обрядах и культах осетин. В быту осетин до XVIII—XIX вв. были широко распространены магические обряды, к которым прибегали при лечении больных, при родах, на свадьбах, для обеспечения урожая, успеха охоты и т. д.

Не имея возможности говорить о всех проблемах, рассмотренных в монографии А. Х. Магометова, мы хотели бы в заключение подчеркнуть, что в ней впервые в нашей научной литературе освещаются все аспекты общественного строя Осетии XVII—XIX вв. в комплексе, во взаимосвязи с общественным бытом и идеологией народа.

Высоко оценивая рецензируемую книгу, мы вместе с тем хотели бы высказать ряд замечаний. Так, например, нам кажется, что автору следовало более полно охарактеризовать родственные коллективы.

В разделе о патрионии теоретически правильно освещено историческое место этого социального института в системе социальных структур, однако здесь не достает фактического материала.

Раздел монографии «Суд и присяга по адату» (стр. 247—262) следовало дополнить хотя бы краткой характеристикой основных норм обычного права Осетии XVIII—XIX вв., используя для этого записи осетинских адатов, сделанные русскими чиновниками в XIX в.

Следует отметить, что книга А. Х. Магометова хорошо издана, с большим вкусом оформлена превосходными рисунками художника У. К. Кавказца.

Г. Х. Мамбетов

В. А. Татаев, Н. Ш. Шабаньянц. Декоративно-прикладное искусство Чечено-Ингушетии. Грозный, 1974.

Изучение декоративно-прикладного искусства народов СССР — одна из важнейших задач, стоящих перед советскими учеными самого различного профиля. На наших глазах исчезают многие древние промыслы. Некоторые трансформируются, приобретая вполне современную окраску и отвечая нуждам и вкусам современного человека. Естественно, что каждая новая книга, посвященная народному искусству, вызывает большой интерес: привлекает внимание сам материал, отобранный авторами из огромного наследия, оставленного мастерами прошлого; методика его изучения; итоги научного осмысления этого материала, как бы малы они ни были.